

В.И. Габдуллина

Барнаульский государственный педагогический университет

**Проблема периодизации творчества Ф.М. Достоевского:
опыт реинтерпретации**

Изучение творчества писателя предполагает, как один из необходимых подходов, рассмотрение его творческого пути. Диахронический принцип исследования творческого развития художника, динамики его идеологических и эстетических принципов в их связях с историко-литературным процессом с необходимостью сочетается с анализом внутренней эволюции писателя, его духовных исканий, постижением его личности.

В литературоведении последних десятилетий делались попытки создания своего рода типологии писателей по признаку динамичности или относительной статичности их художественной системы. Так, например, в монографии И.Н. Сухих, посвященной творчеству А.П. Чехова, речь идет о двух типах писателей: художниках «позиции», для которых принципиален образ «источка», и художниках «развития», при исследовании творчества которых важна категория «пути» [Сухих, 1987, с. 8]. Как любая формула, примененная к творческому процессу, предложенная типология, конечно, условна. Зачастую, при исследовании творчества писателя необходимо учитывать обе обозначенные категории: и константу «источка», и переменную «пути».

Каждый исследователь творческого пути писателя, так или иначе, создает определенную парадигму его духовного и творческого развития, в соответствии с собственными представлениями и исследовательскими задачами. Как очень точно заметил Б.Ф. Егоров, «количество интерпретаций, по крайней мере, равно количеству интерпретаторов, а может и превышать, то есть не только не сводится к одному истолкованию, но быть принципиально множественным» [Егоров, 2001, с. 169]. Не всегда при этом в результате появляется четко выписанная периодизация творчества исследуемого писателя, но она имманентно предполагается.

Начало осмысления творческого развития Ф.М. Достоевского в категориях хронологии положено «Краткими биографическими сведениями, продиктованными писателем А.Г. Достоевской» (т. 27, с. 120-121)¹, которые послужили одним из оснований для первой научной биографии, составленной О. Миллером в 1883 г. [Биография, 1883]. В качестве основных вех жизни и творчества Достоевский указывает на 1844 г. – выход в отставку и работа над первым романом «Бедные люди»; 1849 г. – арест «за участие в политическом заговоре»; останавливается на некоторых подробностях своего пребывания в Сибири (отмечая 1854 г. – время окончания срока каторжных работ, 1855 – 1856 гг. – производства в унтер-офицеры, а затем в офицеры, 1859 г. – окончание ссылки). Далее отмечается 1861 г. как время возвращения к литературным занятиям (издание журнала «Время», выход романов «Униженные и оскорбленные» и «Записки из Мертвого дома»). Затем перечислены романы «Преступление и наказание», «Идиот» и «Бесы» с точным

¹ Ссылки на тексты Достоевского оформляются в круглых скобках, указывается том и страница по указанному в списке изданию.

указанием времени их создания. Заканчивается биографическая записка информацией об издании «Дневника писателя» в 1876 – 1877 гг.

Жанр словарной статьи, в котором написаны «Краткие сведения...», не предполагал изложения полной информации о творчестве Достоевского или создание некоей периодизации, тем не менее, статья представляет интерес с точки зрения тех акцентов, которые расставил сам писатель, выбрав самые важные, на его взгляд, события своей жизни и произведения, которые, как пишет автор, «были высоко оценены публикой» (т. 27, с. 121).

С начала XX в. исследователями Ф.М. Достоевского предлагались различные принципы периодизации его жизни и творчества. Так, например, Л.П. Гроссман в 20-х гг. прошлого столетия начал издание документальной серии книг «Достоевский на жизненном пути», каждый выпуск которой, по замыслу автора, должен был быть посвящен определенному возрасту писателя (серия не окончена). Так, первый (и единственный) выпуск получил название «Молодость Достоевского» [Гроссман, 1928]; материалы этого выпуска представляют хронологический период с 1821 по 1850 гг. Название «Молодость Достоевского» явно условное, так как в сборник вошли материалы о предках писателя, его родителях, семье, детстве; заканчивается подборка материалов датой 24 декабря 1849 г. («отбытие партии арестованных в Сибирь»).

Хронологическое исследование творческого пути Достоевского предложил В.Я. Кирпотин в ряде монографий: «Молодой Достоевский» [Кирпотин, 1947], посвященной периоду формирования личности писателя и его произведениям 1840-х гг., «Ф.М. Достоевский. Творческий путь (1821-1859)» [Кирпотин, 1960] и «Достоевский в шестидесятые годы» [Кирпотин, 1966]. Далее исследователь занялся изучением проблем творчества Ф.М. Достоевского, анализом отдельных его произведений, отказавшись от атрибуции творчества 70-х гг. как периода, очерченного не только хронологическими рамками, но и определенными творческими принципами. В.С. Нечаева подробно остановилась на изучении двух периодов: начала творческого пути («Ранний Достоевский. 1821-1849») [Нечаева, 1979] и периода издания журналов «Время» [Нечаева, 1972] и «Эпоха» [Нечаева, 1975]. На три периода разделил жизнь Достоевского Ю.Н. Селезнев в своем биографическом исследовании, прочтя ее в категориях жизнеописания Христа и жития пророка, назвав главы первой части: «Голгофа», «Поприще», «Искушение», – а вторую и третью часть соответственно – «Житие великого грешника» и «Жизнь и смерть пророка» [Селезнев, 2004].

Безусловно, это далеко не полный обзор появившихся в истории литературы трактовок периодизации жизни и творчества Достоевского в жанрах монографического исследования творчества, научной биографии и беллетризованной биографии. Вместе с тем, нельзя не заметить, что есть и некоторые общие тенденции в рассмотрении жизни и творчества писателя, отражающие перипетии его богатой судьбы.

В истории литературы сложилась традиция выделять два крупных этапа в творчестве Достоевского – докаторжный (1846 – 1849) и послекаторжный (1854 – 1881) – («до катастрофы» и «после катастрофы»). Биографы также выделяют так называемый сибирский период (время каторги и ссылки Достоевского) – с 1850 по 1859 год. При этом период с 1854 (когда после окончания срока каторги Достоевский получил возможность вернуться к писательскому труду) по 1881 г. делится разными исследователями на разные отрезки в соответствии с хронологией биографии или по вехам созданных им произведений.

Одна из самых спорных проблем – рамки переходного периода от раннего к зрелому творчеству. М.М. Бахтин рассматривает произведения, написанные Достоевским в ссылке – «Дядюшкин сон» и «Село Степанчиково и его обитатели» (1859), как этапные в формировании поэтики романов писателя 60 – 70-х гг. [Бах-

тин, 1972, с. 281]. На важность изучения материалов, связанных с периодом семипалатинской ссылки Достоевского и началом «второго петербургского периода», одним из первых указал П.Н. Сакулин, назвавший статью, сопровождающую публикацию писем 1849 – 1865 гг. – «Второе начало» [Сакулин, 1930, с. 523-545]. В монографии В.А. Туниманова «Творчество Достоевского (1854 – 1862)» как переходный этап от раннего к зрелому творчеству также рассматривается сибирский и начало постсибирского периода, при этом, как видим, обозначены более узкие рамки этого этапа. Исследователь проводит черту между романами «Униженные и оскорбленные» и «Записки из Мертвого дома» – произведениями, опубликованными одновременно в 1861 г. на страницах журнала «Время». «Униженные и оскорбленные», по мнению исследователя, – это «своего рода подведение итогов» предшествующего периода: «Роман “Униженные и оскорбленные”, конечно, не этап творчества (в отличие от “Записок из Мертвого дома”); нельзя говорить и о переломе, идейном и эстетическом», – пишет В.А. Туниманов. Переломными произведениями в творчестве Достоевского 1860-х годов станут, по мысли автора монографии, «лишь “Зимние заметки о летних впечатлениях” и “Записки из подполья”» [Туниманов, 1980, с. 100]¹.

Нет единодушия у достоевцев и по поводу места романа «Игрок» в творческой эволюции писателя. История создания этого романа широко известна: его Достоевский написал, выполняя обязательство перед издателем Стелловским, отложив на время завершение романа «Преступление и наказание». Между тем, «Преступление и наказание» считают первым романом так называемого великого «пятикнижия» Достоевского, а роман «Игрок» относится к предшествующему периоду творчества, очевидно, не потому, что он оказался лишним (*шестым*) в пятерке великих романов писателя, а в силу его художественных особенностей (хотя, заметим, Г.М. Фридендер в академическом издании «Истории русской литературы» рассматривает «Игрок» в ряду крупных романов писателя, связывая этот роман с «Преступлением и наказанием», «Идиотом», «Бесами», «Подростком» и «Братьями Карамазовыми» общей проблематикой и типологией персонажей [Фридендер, 1982, с. 728]). Но чаще период «пятикнижия» (с 1867 по 1880 год) рассматривается как вершинный в творчестве Достоевского, отличающийся особой поэтикой и идеологией (см., например: [Канунова, 2004, с. 13-14]).

Я не претендую в рамках данной статьи на решение всех спорных вопросов периодизации творчества Достоевского. Попытаюсь предложить подход к проблеме, подсказанный самим Достоевским.

Писатель не только оставил после себя текст «Кратких биографических сведений», записанных с его слов А.Г. Достоевской, он сам выступил в роли критика-интерпретатора творчества другого художника – А.С. Пушкина, предложив свою версию периодизации его творческого пути в своей знаменитой Пушкинской речи. Анализ критического дискурса в «Дневнике писателя» за 1880 г. (где было опубликовано выступление Достоевского, посвященное Пушкину) позволяет судить о степени «самораскрытия» автора в процессе интерпретации «чужого» текста. В данном случае проявляется та особенность писательской критики, на которую указывал еще Н.В. Гоголь: «Критика высокого таланта имеет равное достоинство со всяким оригинальным творением: в ней виден разбираемый писатель, в ней виден еще более сам разбирающий» [Гоголь, 1984, с. 167]. Писательская критика – это не только интерпретация «чужого» творчества, это в то же время и осмысление своей идейно-художественной системы. «Давно замечено, – пи-

¹ Мне приходилось писать, что есть основания рассматривать роман «Униженные и оскорбленные» как произведение периода обоснования писателем своей эстетической и идеологической позиции почвенничества, воплотившейся в идейно-художественной системе этого романа в не меньшей степени, нежели в «Записках из Мертвого дома» и «Записках из подполья» [Габдуллина, 2004, с. 97-98].

сал по этому поводу С. Машинский, – что большой художник, говоря об искусстве другого художника, одновременно самораскрывается и как бы самоисследуется» [Машинский, 1975, с. 300]. Нечто подобное наблюдается в критическом опыте Достоевского, когда он определяет принципы периодизации поэзии Пушкина.

Композиция речи Достоевского соотнесена с логикой обоснования трех периодов в творческом развитии Пушкина. Разделяя творческий путь Пушкина на периоды, Достоевский прослеживает эволюцию «русской идеи» в художественном мире поэта, открытие которой и было, по мысли Достоевского, «новым словом» и величайшим «пророчеством» Пушкина.

Периодизация творчества Пушкина, предложенная Достоевским, не имеет строгих хронологических рамок. Периоды определяются не возрастом поэта, и не созданные в разное время произведения являются их вехами; определяющим для понимания развития Пушкина, по Достоевскому, является глубина его проникновения в «народную правду», в «душу народа».

Выделение идейной доминанты творчества Пушкина – «русской идеи» – позволило автору речи увидеть динамику там, где другие критики видели статичность. Так, например, Н.Г. Чернышевский, анализируя творчество Пушкина, основным критерием оценки творческого развития поэта избирает его художественное мастерство, делая вывод, что «с 1826 – 1830 годов он [талант Пушкина] достиг возможной высоты своего развития (если не достиг его еще раньше, около 1825 года, которому принадлежит “Евгений Онегин” и “Борис Годунов”»». По мнению критика, «с этого времени относительное достоинство поэтических произведений не возрастает неуклонно с каждым годом, зависит не от более позднего года, как прежде, а просто от изменившихся обстоятельств свободного вдохновения, то на время капризно покидающего своего любимца, то возвращающегося к нему с прежней силою» [Чернышевский, 1981, с. 225-226].

Воспринимая Пушкина как «целокупный организм», «носивший в себе все свои зачатки разом, внутри себя, не воспринимая их извне» (т. 26, с. 145), Достоевский не отрицает влияния окружающей действительности на развитие поэта. «Внешность только будила в нем то, что было уже заключено во глубине души его», – считает Достоевский. Далее он формулирует свой взгляд на процесс творческого развития Пушкина: «Но организм этот развивался, и периоды этого развития действительно можно обозначить и отметить, в каждом из них, его особый характер и постепенность вырождения одного периода из другого» (т. 26, с. 145).

Принципиальная установка на подвижность хронологических границ периодизации творчества Пушкина позволила Достоевскому проникнуть не только в процесс развития «народной идеи» в произведениях Пушкина, но и нащупать диалектическую связь между романтическим и реалистическим периодами творчества поэта. «Периоды деятельности Пушкина не имеют <...> твердых между собой границ, – замечает Достоевский. – Начало “Онегина”, например, принадлежит <...> еще к первому периоду деятельности поэта, а кончается “Онегин” во втором периоде, когда Пушкин нашел уже свои идеалы в родной земле, воспринял и возлюбил их всецело любящей прозорливой душой» (т. 26, с. 137).

Связь между первым периодом, главным признаком которого, по Достоевскому, стало открытие Пушкиным типа «скитальца в родной земле», и вторым, когда «Пушкин нашел уже идеалы в родной земле» и противопоставил «скитальцу» «положительно прекрасные русские типы», Достоевский видит в том, что в первом периоде уже намечено Пушкиным решение «проклятого вопроса по народной вере и правде» в поэме «Цыгане». «Еще яснее, – считает Достоевский, – выражено оно в “Евгении Онегине”, поэме уже не фантастической, но осязательно реальной, в которой воплощена настоящая русская жизнь с такою силою и с

такою законченностью, какой не бывало до Пушкина, да и после его, пожалуй» (т. 26, с. 139).

Трактовка типа «русского бездомного скитальца», появившегося впервые, по мысли Достоевского, в образе Алеко, дана автором «Дневника писателя» в ключе собственной идейно-поэтической системы. В формуле: «Смирись, гордый человек, и прежде всего сломи свою гордость. Смирись, праздный человек, и прежде всего потрудишься на родной ниве», – провозглашенной Достоевским в 1880 г., заключена мысль о необходимости возвращения на родную почву, лежащая в основе почвеннической идеи. Призыв к «гордому человеку» оформлен Достоевским в категориях и стилистике «евангельского текста», органичных поэтике писателя. Автор речи о Пушкине указывает источник решения «проклятого вопроса» – «по народной вере и правде», намекая на почитаемое в народе Евангелие. Более того, нельзя не заметить, что Достоевский следует логике евангельской притчи о блудном сыне, указывая современному человеку путь к возрождению в труде «на родной ниве».

«Пророческое» открытие Пушкина второго периода, по мысли Достоевского, состоит в том, что рядом с типом «русского скитальца» в «Евгении Онегине» поэт поставил «тип *положительной красоты* в лице русской женщины», а также, «первый из русских писателей, провел перед нами в других произведениях этого периода своей деятельности целый ряд *положительно прекрасных* русских типов, найдя их в народе нашем» (т. 26, с. 143-144). (Здесь и далее курсив мой. – В.Г.). Среди «типов положительной красоты русского человека и души его» Достоевский указывает «типы исторические» («Инок и другие в “Борисе Годунове”»), и «типы бытовые» («как в “Капитанской дочке”») (т. 26, с. 130). Нетрудно заметить в данном случае, что дефиниция «*положительно прекрасный тип*» – это самоцитация автора: именно так Достоевский определял тип героя романа «Идиот» в письме к С.А. Ивановой в 1868 г.: «Главная мысль романа – изобразить положительно прекрасного человека». В этом же письме Достоевский связывает воплощение идеала положительной красоты с образом Христа: «На свете есть одно только положительно прекрасное лицо – Христос...» (т. 28 (2), с. 251).

Трактовка образов Пушкина соотносится с доминантой авторского дискурса в «Дневнике писателя» – «русской идеей». В свете этой идеи постигается глубина типов Онегина и Татьяны. Если Онегин трактуется как «антигерой», включенный автором в цепь таких же, как он сам, «скитальцев в родной земле», то Татьяна – герой положительный в полном смысле этого слова: «Не такова Татьяна: это тип твердый, стоящий твердо *на своей почве*. <...> Это положительный тип, а не отрицательный, это тип *положительной красоты*, это апофеоз русской женщины...» (т. 26, с. 140). Пушкин, по мнению Достоевского, поднявшись в своем творческом развитии на новый уровень осмысления «русской идеи», указал «русскому скитальцу», зараженному болезнью русского общества, «великую надежду, что болезнь эта не смертельна и что русское общество может быть излечено, может вновь обновиться и воскреснуть, если присоединится к правде народной» (т. 26, с. 130).

Вера в духовные силы русского народа позволила Пушкину разгадать глубинную суть «русской идеи», которая выражается, по мысли Достоевского, в главной особенности русского народа – в его «всемирной отзывчивости». Эта способность русского народа воплотилась в Пушкине: «Ведь мог же он вместить чужие гении в душе своей, как родные» (т. 26, с. 148). Это «пророческое» открытие, которое Достоевский называет «подвигом Пушкина», воплотилось в произведениях третьего периода творчества, в которых «преимущественно засияли идеи всемирные, отразились поэтические образы других народов и воплотились их гении» (т. 26, с. 145). Сам Достоевский считал эту мысль одним из главных «пунктов» своей речи. В письме к С.А. Толстой 13 июня 1880 г. писатель указывал на

«главные два пункта», которые «корреспонденты газет не поняли или не хотели понять»: «Всемирная отзывчивость Пушкина и способность совершенного перевоплощения его в гении чужих наций – способность, не бывавшая еще ни у кого из самых великих всемирных поэтов, и, во-вторых, то, что способность эта исходит совершенно из нашего народного духа, а стало быть, Пушкин в этом-то и есть наиболее народный поэт» (т. 30 (I), с. 188).

Достоевский придавал большое значение единственному выпуску «Дневника писателя» за 1880 г., видел в нем свое «profession de foi на все будущее»: «Здесь уже высказываюсь окончательно и непокровенно, – писал Достоевский о подготовленном к печати выпуске, – вещи называю своими именами. <...> То, что написано там – для меня роковое», – сообщает писатель в письме к К.П. Победоносцеву (т. 30 (I), с. 204). Очевидно, что автор рассматривал выпуск «Дневника писателя», посвященный Пушкину, как возможность не только высказать сокровенные мысли о любимом поэте, но и изложить свою собственную программу «окончательно и непокровенно». Более того, самораскрываясь в процессе анализа творчества любимого поэта, Достоевский дает в этом выпуске «Дневника писателя» ключ к пониманию своих собственных идейно-художественных исканий, представляя в закодированном виде периодизацию своего собственного творческого пути. Опираясь на авторскую стратегию «пушкинского» дискурса, можно реконструировать хронологию развития «русской идеи» в творчестве самого Достоевского.

Прежде всего, следует заметить, что дефиниция «целостный организм, носивший в себе все свои зачатки разом», предложенная автором «Дневника писателя» в качестве характеристики творческой натуры Пушкина, формирование которой, по Достоевскому, произошло на раннем этапе его поэтического поприща, вполне применима к самому Достоевскому. Н.К. Михайловский в посмертной статье о Достоевском первым заговорил о необходимости проследить всю «литературную эмбриологию Достоевского», остановившись на анализе его ранних произведений¹, в которых, по мысли критика, «можно найти зачатки всех последующих образов, картин, идей, художественных и логических приемов» [Михайловский, 1956, с. 310]. На принципиальную важность изучения раннего творчества Достоевского для понимания поэтики его крупных романов указывали многие исследователи, начиная с М.М. Бахтина, отметившего черты карнавализации и полифонии в художественной организации ранних произведений писателя [Бахтин, 1972, с. 97-98, 275-276, 350-390]. В работах Г.М. Фридлендера творчество Достоевского 40-х гг. оценивается как лаборатория идей и образов, питавших его художественную фантазию спустя многие годы [Фридлендер, 1988, с. 159-160]. В раннем творчестве писателя появился образ «мечтателя», рассматриваемый В.Г. Одиноким как «тип», который «проходит через все его творчество и обладает свойствами “сверхтипа”, каждый раз реализуемого вполне конкретно как образ-характер» [Одинок, 1981, с. 13]. Исследователи творческого метода Достоевского видят истоки «реализма в высшем смысле» в его первых художественных опытах [Фридлендер, 1964; Жиликова, 1989]. И, наконец, в художественном творчестве и, прежде всего, в публицистике Достоевского 40-х гг. (в его рассуждениях о России, Западе, Петербурге) следует искать истоки почвенничества, оформившегося в идеологию в 60 – 70-х гг. [Седельникова, 2001, с. 62-79].

Рассматривать творческую эволюцию Достоевского, очевидно, следует с учетом сформулированного им самим в Пушкинской речи принципа подвижности границ периодизации. Следуя заданной в «пушкинском» дискурсе «Дневника писателя» парадигме творческого развития, поворотным пунктом в эволюции До-

¹ Михайловский раздвигает рамки раннего периода Достоевского, рассматривая в своей статье «повести и рассказы», которые критик называет «старыми мелочами», – от «Бедных людей» до «Игрока».

стоевского можно считать открытие им «антигероя», как называет себя подпольный парадоксалист в «Записках из подполья» (1864), мучительно осознающий свою оторванность от «живой жизни»: «Мы мертворожденные, да и рождаемся-то давно уж не от живых отцов <...>. Скоро выдумаем родиться как-нибудь от идеи» (т. 5, с. 179). Характеризуя пушкинского Алеко, Достоевский как будто говорит о своем «беспочвеннике»¹: «Он пока всего только оторванная, носящаяся по воздуху былинка. И он это чувствует и этим страдает, и часто так мучительно!» (т. 26, с. 138). В «Записках из подполья» автор только «наметил решение» проблемы своего героя, столкнув его с «живой жизнью». В романе «Преступление и наказание» (1867) Достоевский, подобно Пушкину, противопоставил «гордому» тип «положительной красоты в лице русской женщины», наделив свою Соню не только любящим сердцем (как ее предшественницу Лизу из «Записок из подполья»), но и питающей ее духовные силы верой в Бога.

В романах конца 60-х – 70-х гг. Достоевский продолжил разработку «положительно прекрасных русских типов» в образах князя Мышкина, Алеши Карамазова, а также в типах «старца» и «странника»: отец Тихон («Бесы»), Макару Долгорукий («Подросток»), старец Зосима («Братья Карамазовы»), – «стоящих твердо на своей почве» и находящихся в оппозиции к «бездомным скитальцам» в лице Ипполита Терентьева, Ставрогина и «бесов», Версилова и Ивана Карамазова.

И, наконец, идея «всемирной отзывчивости» русского народа, которая, по Достоевскому, воплотилась в третьем периоде творчества Пушкина, в не меньшей степени является открытием самого Достоевского. Эта идея является одной из позиций, на которых строится теория почвенничества 60-70-х гг., получившая свое законченное воплощение в «Дневнике писателя» за 1880 г.².

И в заключение приведу слова, которыми закончил свою Пушкинскую речь Достоевский: «Пушкин умер в полном развитии своих сил и бесспорно унес с собою в гроб некоторую великую тайну. И вот мы теперь без него эту тайну разгадываем» (т. 26 с. 149). Представляется, что в своем «разгадывании» «тайны Пушкина» Достоевский (вольно или невольно) зашифровал формулу собственного творческого развития. Предложенная парадигма творчества Достоевского, при всей ее схематичности, может стать основанием для рассмотрения духовных и творческих исканий Достоевского под углом зрения, обозначенным самим писателем в процессе «самоисследования» в рамках «пушкинского» дискурса.

Литература

- Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского. М., 1972.
Биография, письма и заметки из записной книжки Ф.М. Достоевского. СПб., 1883.
Викторович В.А. Четыре вопроса к Пушкинской речи // Достоевский. Материалы и исследования. СПб., 2005. Т. 17.
Габдуллина В.И. Идея «почвенничества» в аспекте религиозно-нравственных исканий Ф.М. Достоевского (роман «Униженные и оскорбленные») // Вестник Новосибир. гос. ун-та. Серия: История, филология. Т. 3. Вып. I: Филология. 2004.
Гоголь Н.В. О движении журнальной литературы в 1834 и 1835 году // Гоголь Н.В. Собр. соч.: В 9 т. Т. 7. М., 1984.
Гроссман Л.П. Достоевский на жизненном пути. М., 1928.
Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: В 30 т. Л., 1972-1990.

¹ Термин А.П. Скафтымова [Скафтымов, 1972, с. 123].

² Динамика движения авторской мысли в направлении сформулированной в Пушкинской речи идеи «всемирной отзывчивости» подробно рассматривается в статье В.А. Викторovichа [Викторович, 2005, с. 285].

- Егоров Б.Ф. Проблема избыточности в интерпретации художественных произведений // Критика и семиотика. Вып. 3-4. 2001.
- Жилякова Э.М. Традиции сентиментализма в творчестве раннего Достоевского. Томск, 1989.
- Канунова Ф.З. Некоторые проблемы преподавания творчества Ф.М. Достоевского (общий курс по истории русской литературы XIX в. III часть) // Достоевский и время. Томск, 2004.
- Кирпотин В.Я. Молодой Достоевский. М., 1947.
- Кирпотин В.Я. Ф.М. Достоевский. Творческий путь (1821-1859). М., 1960.
- Кирпотин В.Я. Достоевский в шестидесятые годы. М., 1966.
- Машинский С. Искусство глазами художника // Машинский С. Слово и время. М., 1975.
- Михайловский Н.К. Жестокий талант // Достоевский в русской критике. М., 1956.
- Нечаева В.С. Журнал М.М. и Ф.М. Достоевских «Время». М., 1972.
- Нечаева В.С. Журнал М.М. и Ф.М. Достоевских «Эпоха». М., 1975.
- Нечаева В.С. Ранний Достоевский. 1821-1849. М., 1979.
- Одинокое В.Г. Типология образов в художественной системе Ф.М. Достоевского. Новосибирск, 1981.
- Сакулин П.Н. Второе начало. Неизданные письма Достоевского 1949-1865 // Достоевский Ф.М. Письма / Под ред. А.С. Долинина. М.; Л., 1930.
- Седельникова О.В. О формировании почвеннических взглядов в мировоззрении раннего Достоевского // Достоевский. Материалы и исследования. Т. 16. СПб., 2001.
- Селезнев Ю.Н. Достоевский. М., 2004. (Серия ЖЗЛ).
- Скафтымов А.П. «Записки из подполья» среди публицистики Достоевского // Скафтымов А.П. Нравственные искания русских писателей. М., 1972.
- Сухих И.Н. Проблемы поэтики Чехова. Л., 1987.
- Туниманов В.А. Творчество Достоевского (1854-1862). Л., 1980.
- Фридлендер Г.М. Реализм Достоевского. М.; Л., 1964.
- Фридлендер Г.М. Ф.М. Достоевский // История русской литературы: В 4 т. Т. 3. Л., 1982.
- Фридлендер Г.М. Путь Достоевского к роману-эпопее // Достоевский. Материалы и исследования. Т. 8. Л., 1988.
- Чернышевский Н.Г. Литературная критика: В 2-х т. Т. 1. М., 1981.